

Дань Чао спросил:

— В каком качестве я буду сопровождать?

Его голос звучал невероятно спокойно, без малейших эмоциональных колебаний, лишь с легкой хрипотцой.

Се Юнь наконец отбросил ту беспричинную подозрительность, что мелькала у него ранее.

— Помощник, — равнодушно ответил он. — Ты хоть и груб, глуп и не слишком сговорчив... но нельзя же позволять другим помыкать тобой как слугой.

Дань Чао поклонился в знак согласия, казалось, уже привыкнув к язвительности, заложенной в натуре Се Юня. Он стоял прямо под его придирчивым и оценивающим взглядом, а затем вдруг с легкой насмешкой спросил:

— А наставник ещё не лег? Должно быть, сегодня ночью в Тереме Чэньсинь вы очень устали, лучше бы поскорее отдохнуть.

Уголок губ Се Юня дёрнулся, он взмахнул рукавом и повернулся, чтобы уйти:

— Кто тебе наставник?

— Наставник! — вдруг громко окликнул его Дань Чао.

Шаги Се Юня на мгновение замедлились. Дань Чао продолжал:

— Сегодня вечером я удостоился благосклонности госпожи Цзиньсинь, но вёл себя с ней бесцеремонно и чувствую огромную неловкость. После наставлений, услышанных мною в Тереме Чэньсинь, я постепенно начинаю понимать... Не мог бы я после возвращения с Горы Тайшань принести чай в знак извинений и извиниться перед госпожой Цзиньсинь?

Слова были весьма изысканными, но по сути означали: [После возвращения с Горы Тайшань можно ли снова позвать Цзиньсинь прислуживать мне?]

Се Юнь не сразу ответил, но его плечи слегка расслабились, словно он тихо и окончательно выдохнул.

В ночной темноте Дань Чао отчётливо разглядел это — словно что-то давно висевшее в его душе наконец упало на место, и он весь расслабился.

— Вот если бы ты раньше был таким смышлёным, — продолжил Се Юнь, делая шаг вперёд и насмешливо бросив:

— Даже чтобы переспать с девушкой, тебя приходится учить, впустую потратил у меня целую ночь времени.

Когда Дань Чао снова лёг спать, была уже глубокая ночь, самое тёмное время перед рассветом. После того, как он погасил свет, полог кровати не пропускал ни лучика света, вокруг царила полная тишина. Закрыв глаза, он слышал, как где-то далеко патрульные прошли по длинному коридору, и их шаги постепенно затихли в глубине внутренних покоев.

Там находились личные покои хозяина усадьбы.

[Се Юнь, должно быть, тоже уже спит?]

В темноте дыхание Дань Чао участилось, глубоко внутри тела постепенно поднимался жар, от которого даже постель становилась горячей. Он изо всех сил пытался отогнать посторонние мысли и заснуть, однако, как только сознание начинало затуманиваться, на ум нахлынули развратные и соблазнительные картины.

То белое, как луна, нежное тело прижималось к нему, и с улыбкой спрашивало:

— В Чанъане множество скрытых прелестниц, розовый порошок словно облака, почему господин не следует всеобщему течению?

То изящные пальчики подносили виноградное вино, в ушах звучала сладострастная музыка шелка и бамбука, женщины смеялись и перешёптывались, повсюду слышались нежные вздохи.

Дань Чао резко отпрянул, но, обернувшись, увидел, как несколько красавцев-юношей окружили его. У всех лица были напудрены, губы — будто подкрашены киноварью. Стыдливо и робко они звали его старшим братом, прижимая к его груди свои тёплые и нежные тела.

Причудливые образы мелькали в глубине сознания, словно калейдоскоп, затягивая его в водоворот горячего и туманного бреда.

Дань Чао лишь чувствовал, как глубоко внутри тела поднимается побуждение, распирающее до боли, оно металась, не находя выхода. Он с трудом сдерживал нетерпение и тревогу, как вдруг сцена перед глазами сменилась: он увидел себя сидящим у павильона с тёплым источником, а кто-то беззащитно лежал ничком на лисьей шкуре.

Одежда того человека была расстёгнута и сползла наполовину, обнажив большую часть кожи на плечах и спине. Кожа светилась ленивым и тёплым блеском после недавнего омовения, прямо в пределах его досягаемости.

Дань Чао, будто движимый неведомой силой, протянул руку, и одежда соскользнула.

Всё последующее было так естественно: сковывание, борьба, толчки и стоны. Из-за порочности этого действия неистовое, крайне жестокое наслаждение поднималось вверх, сжигая дотла последние проблески рассудка. Словно долго сдерживаемый зверь, наконец вырвавшись из клетки, прижимал добычу когтистыми лапами и пожирал её кусок за кусок, испытывая полное, безудержное удовлетворение.

Он пристально смотрел на покрасневшее от слёз лицо того человека и наконец, в смятении чувств, издал звук:

— Наста...

— Наставник...

Дань Чао резко открыл глаза и сел на кровати.

Он тяжело дышал, грудь бурно вздымалась. Его глаза были полны кровавых прожилок, в темноте тело было напряжено, как у дикого зверя, а выражение лица казалось даже злобным.

Спустя долгое время он наконец тяжело выдохнул и устало прикрыл глаза рукой.

В начале десятой луны императорский поезд выступил из Восточной столицы,

сопровожаемый чиновниками, военными, знамёнами и знаками отличия, растянувшись на несколько сот ли. Лагеря и шатры выстроились, покрывая обширные поля и равнины.

Со всех сторон, от Когурё на востоке до Персии и Учана на западе, страны, прибывшие на аудиенцию, вели свои свиты в сопровождении. Войлочные шатры и юрты, крупный рогатый скот, овцы, верблюды и лошади заполнили дороги. В те времена года подряд были урожайными, цена за доу риса упала до пяти цяней, пшеница и бобы не выставлялись на рынке.

Три дня спустя священный экипаж выступил из Лояна и величественно двинулся на восток в инспекционную поездку.

От Восточной столицы до Горы Тайшань быстрый всадник мог бы добраться меньше чем за полмесяца, Дань Чао верхом на лошади, возможно, проделал бы путь туда и обратно за несколько дней. Однако инспекционная поездка императорского экипажа не сравнится с одиночным всадником: величественное жёлтое шествие растянулось по горам и полям, выступая на рассвете и останавливаясь на отдых в сумерках, проходя не более десятка ли в день.

Генерал кавалерии Сяоцзи Юйвэнь Ху возглавлял крупный отряд, следовавший вдали по внешнему периметру эскорта, в то время как Се Юнь лично командовал шестьюстами гвардейцами, днём и ночью охраняя императора и императрицу.

После той ночи в Тереме Чэньсинь Дань Чао словно бы старался избегать уединённого общения с Се Юнем.

К счастью, путь из Чанъяня в Восточную столицу был невероятно суматошным, и Се Юню просто не было дела до того, где находится Дань Чао. После выступления из императорского дворца в Восточной столице Дань Чао, как помощник командира императорской гвардии, самостоятельно возглавлял отряд, следовавший не слишком близко и не слишком далеко от больших паланкинов императора и императрицы. Обычно ему лишь удавалось сквозь множество повозок и лошадей издали видеть спину Се Юня, сидящего верхом на коне.

Се Юнь ни разу не оборачивался, чтобы его найти.

В разгар осени командир императорской гвардии уже облачился в тёплый плащ с меховой оторочкой, его длинные волосы были собраны в пучок на затылке и развевались на ветру вместе с полами одежды.

[Он простудился.]

Эти новости распространились вскоре после отъезда из Лояна. Причиной стало то, что однажды императрица У застала Ма Синя готовящим отвар, и у неё возникли подозрения. Се Юнь ответил, что простудился после падения в воду, а при подготовке к восточной инспекции дел было очень много, поэтому он до сих пор не мог окончательно поправиться.

Этот ответ был вполне разумным, и императрице У пришлось отступить, лишь наказав ему хорошенько заботиться о себе и не перетруждаться.

Но Дань Чао подозревал, что простуда Се Юня на самом деле началась ещё в Цзяннани, потому что после его возвращения в столицу цвет лица Се Юня ни разу не был хорошим. Чем сильнее становилась осенняя прохлада, тем бледнее он выглядел, а перед отправлением в восточную инспекцию у него даже появился едва уловимый оттенок болезненности.

Когда он находился в Доме Се, принимал ли он лекарства — Дань Чао не мог знать. Но после начала восточной инспекции, когда эскорт ежедневно располагался лагерем вместе, скрыть что-либо было трудно. Судя по тому, что Се Юнь принимал лекарства три раза в день по расписанию, вполне вероятно, что он начал это делать ещё до отъезда из Чаньяня.

[Что же на самом деле происходит с его телом?]

Дань Чао вспомнил госпожу Лун, подвергавшуюся мучениям в подземном дворце Дома Се, а также теперь уже очевидно пронзённую в порыве крайней агонии ладонь. Его сердце сжалось, словно на него положили тяжёлый груз.

Он не мог постоянно размышлять об этом.

Каждый раз, когда в его сознании возникал образ едва прикрытого одеждой прекрасного человека в тусклом свете подземного дворца, и сцена, где позже госпожа Лун, с трудом передвигаясь, прислонилась к нему, он чувствовал запретную и греховную дрожь, внезапно пробегающую по нервным окончаниям.

Словно огромное чудовище медленно поднимало голову из некой бездны в глубине его сердца.

К счастью, было много вещей, способных отвлечь внимание Дань Чао, например — наследный принц.

Наследный принц Ли Хун вовсе не держал зла на Дань Чао за то, что той ночью тот бросил его одного у Пруда Тайе. К тому, что Дань Чао сопровождает его в восточной инспекции, он отнёсся с огромной радостью.

Он ещё не очень умел скрывать своё полное доверие и часто приказывал призвать Дань Чао в свою колесницу для беседы, которая могла длиться добрых полчаса. Иногда Дань Чао, учитывая натянутые отношения между Се Юнем и наследным принцем, отвечал довольно холодно, но наследный принц не придавал этому значения.

В это время у наследного принца было очень мало людей, которым он мог доверять. Хотя партия Восточного дворца уже окрепла, и такие люди, как Дай Чжидэ, Чжан Вэньгуань и другие, имели значительный вес при дворе, эти высокопоставленные сановники были верны Восточному дворцу, а не юному самому Ли Хуну. Только Дань Чао, столь похожий на него лицом и появившийся как божественный воин в момент смертельной опасности, вызывал у Ли Хуна естественное чувство близости из глубины души.

Однажды, играя в колеснице в шахматы со своей подругой детства, юной госпожой Пэй Цзылю из семьи Пэй из Хэдуна, он позвал Дань Чао судить их игру. Играя, он внезапно хлопнул в ладоши и со смехом спросил у Пэй Цзылю:

— Как думаешь, сегодня я одет в красное одеяние, и форма императорской гвардии у мастера Дань Чао тоже красная. Похожи ли мы с ним на братьев?

У окружающих евнухов и служанок лица мгновенно изменились, некоторые даже пошатнулись, готовые упасть на колени.

Брови Дань Чао дёрнулись, он ещё не успел выговорить не говори, как двенадцатилетняя Пэй Цзылю простодушно произнесла:

— Похожи! Даже если бы одежды не были похожи, у наследного принца и у мастера...

<http://bllate.org/book/15578/1387246>